

Перед ним внезапно упала тень. Цзи Байбай, надув губы, поднял голову. Его покрасневшие глаза выглядели особенно жалкими, крошечная жемчужина слезы сорвалась с ресниц и скатилась по молочно-белой коже. Кончик маленького носа слегка покраснел — было очевидно, что он плакал. В его чистых лазурных зрачках отразилось прекрасное лицо, вот только владелец этого лица казался чересчур холодным.

Цзи Байбай сам не понимал, почему вдруг ощутил небывалое чувство безопасности. Не сдержавшись, он протянул руки, жалуясь на боль:

— Больно... хочу на ручки...

Человек перед ним вдруг едва заметно усмехнулся. Переведя взгляд на окровавленную голень мальчика, он — случай невероятный — достал порошок от ран и, не присаживаясь, рассыпал его прямо по ноге Цзи Байбая. От соприкосновения с лекарством рана тут же отозвалась острой болью. Мальчик побледнел, его губы дрогнули, и он захныкал, чувствуя себя ужасно обиженным.

— Не надо! Больно! — он поспешно подтянул ногу к себе. Цзи Байбай про себя решил, что больше всего на свете боится боли, и совсем не хочет играть с этим злым злодеем.

Мо Цин нахмурился и опустил на корточки:

— Клан Ёкаев?

Цзи Байбай кивнул, немного пугаясь того, как близко тот оказался. Мо Цин, заметив это, собрал в ладони немного духовной энергии и осторожно приложил её к раненому месту. Почувствовав, как боль медленно утихает, Цзи Байбай удивленно распахнул глаза. Что ж, если подумать, играть с этим злодеем не так уж и плохо.

Как только кровь перестала сочиться, Мо Цин убрал руку. Цзи Байбай был озадачен, но это не мешало ему следовать своей привычке — при малейшей обиде сразу искать утешения. Он снова протянул руки:

— На ручки...

Мо Цин посмотрел на его тонкую одежду, едва прикрывающую тело. Из-за того, что мальчику пришлось бежать, его кожа была покрыта ссадинами от веток и лиан — больших и маленьких, что делало Цзи Байбая ещё более жалким. Отказать такому просящему было почти невозможно. Мо Цин вздохнул и одной рукой уверенно подхватил Цзи Байбая, поднимая его.

Стоило мальчику оказаться в его объятиях, Мо Цин почувствовал исходящий от него молочный аромат — тонкий и очень приятный, во всяком случае, куда лучше запаха его собственных благовоний.

Так, уютно устроившись в объятиях Мо Цина, Цзи Байбай прибыл во Внутренние покои. Когда Мо Цин собрался опустить его на кровать, он вдруг заметил, что мальчик уснул. Тот спал очень чутко, дышал тихо, а благодаря тому, что самые серьезные раны были обработаны, к лицу вернулся легкий румянец. Теплые объятия оставили на щеках Цзи Байбая легкий след, а приоткрытый ротик, возможно, был приоткрыт из-за заложенного носа. Мо Цин замер, отгоняя прочь странные мысли, осторожно уложил Цзи Байбая на единственную кровать во Внутренних покоях и лично нанес целебную мазь.

Это было поистине исключительное событие, кем бы ни был этот человек.

В Бессмертной секте царило оживление: все узнали, что Бессмертный владыка Цинъя привел с собой мальчика. Каждый хотел взглянуть на него, надеясь, быть может, оказаться полезным. По заведенному порядку, тех, кого приводили в секту, как минимум принимали в ученики Внутреннего круга.

Была и другая новость: личный ученик Бессмертного владыки Цинъя, Гу Сыюй, совершил очередной прорыв. Едва выйдя из уединения, он поспешил спуститься с горы в поисках своего Учителя. Учителя он не нашел, зато привел с собой необычайно красивую девушку. Две эти новости вместе вызвали настоящий переполох.

Закончив с обработкой ран, Мо Цин внимательно посмотрел на юношу перед собой. Серебристые пряди рассыпались по нефритовой подушке, молочно-белое тело пестрело яркими шрамами, ясные голубые глаза были закрыты, а уголки глаз все еще оставались красными. На лице отчетливо виднелись следы невыплаканных слёз, а слегка приоткрытые губы казались очень нежными. Мальчик выглядел истощенным и слишком худым. Отбросив лишние раздумья, Мо Цин произнес Заклинание очищения, смыл следы слез с лица Цзи Байбая, укрыл его шелковым одеялом и вышел вон. У дверей Внутренних покоев его ждал Гу Сыюй. Увидев Учителя, он поспешно поклонился.

— Ученик приветствует Учителя.

— М-м, садись, — холодно ответил Мо Цин.

Гу Сыюй не шелохнулся, продолжая стоять:

— Учитель, ученик успешно достиг слоя Золотого Основания. Также, когда я спускался с горы в поисках Учителя, я встретил девушку, чье сердце и помыслы чисты, поэтому я привел её в покои, дабы Учитель принял решение.

— Оставь её в качестве ученицы Внутреннего круга.

— Слушаюсь, Учитель.

Доложив, Гу Сыюй удалился. Никогда не расспрашивать Учителя о его делах было основным правилом секты.

Шум в Бессмертной секте постепенно стих. Цзи Байбай проснулся от голода: он еще не достиг слоя Золотого Основания и нуждался в еде, чтобы насытиться.

Цзи Байбай был голоден и очень хотел сушеной рыбки. Он поднялся и огляделся — в комнате никого не было. Пришлось слезть с кровати и босиком побежать к выходу, но у самых дверей он затормозил, обернулся белым котом и выпрыгнул в окно.

<http://bllate.org/book/22198/2313857>